

Взаимное подтверждение.

«...»

Я уставился на убийц.

- Вам не нужно слишком много думать. Я уже всё знаю. Вы здесь только для того, чтобы подтвердить это.

- Понимаю. Так вот почему вы вдруг сбежали? Но почему вы воспользовались семейным экипажем, чтобы сбежать, если вы всё знали?

- Это потому, что другого способа сбежать не было. Я планировал сойти в деревне и сбежать, но я не ожидал, что меня поймут раньше.

Это хорошее оправдание для того, чтобы быть маленьким ребенком в такой ситуации. Убийцы, казалось, приняли это и обменялись взглядами, не уверенные, что делать.

- Ты уже знал, что твой опекун хотел убить тебя... У тебя действительно жалкая жизнь.

- А у кого её нет?

Конечно, это была ложь.

Я не был уверен, что Лавуазье заказал убийство, пока не увидел реакцию убийц.

Я рассматривал две возможности.

Первая заключалась в том, что третья сторона подкупила слуг особняка и подслала убийц.

И вторая заключалась в том, что убийц нанял сам Лавуазье.

Итак, я блефовал, что мне всё известно, надеясь получить какое-то преимущество. К счастью, авантюра окупилась. Люди, как правило, немного расслабляются, когда думают, что другая сторона знает их секреты. Кроме того, они чувствовали себя неловко из-за того, что собирались убить меня, который был ещё молод.

Они могли подумать, что смогут облегчить свою вину, немного облегчив моё путешествие. Жалкое самооправдание, но, если бы я мог вытянуть из них хоть какую-то информацию, это было бы лучшим исходом для меня.

- Просто, чтобы ты знал, мы тоже многого не знаем. Нас просто наняли позаботиться о тебе, вот и все.

- Они также сказали вам не беспокоиться о последствиях, верно? Они справятся с этим сами.

- ...Да. Это все, что нам известно, и мы не спрашивали о большем. У нас есть правило не запрашивать ненужную информацию, когда мы берёмся за работу.

Это означает, что они не знают ни о моей скрытой личности, ни о том, почему Лавуазье хотел меня убить. В этом есть смысл, поскольку убийцам незачем знать такие вещи. Было бы неплохо, если бы я смог выяснить причину, но этого было достаточно для успеха.

- Последний вопрос. Когда вы получили запрос на убийство?

- Три дня назад. Извините, но у нас больше нет времени, чтобы тратить его впустую. Мы должны вернуться и доложить нашему работодателю, что выполнили задание.

- Да, конечно. Продолжай.

Я знал, что был высокий шанс вернуться, но я не мог не бояться смерти. Особенно когда я думал, что мне снова придётся испытать эту ужасную боль, я стискивал зубы. Но я подавил этот страх ненавистью к вдохновителю.

Я сжал кулаки так сильно, что они побагровели, и заговорил самым спокойным тоном, на который был способен.

- Пожалуйста, сделай мне одолжение и сделай это быстро и безболезненно. Если ты не сможешь, то можешь сильно пострадать и в своей следующей жизни.

Это была буквальная угроза, но убийцы только ухмыльнулись, думая, что я шушу до конца.

- Я надеюсь, что ты родишься в нормальной благородной семье и в следующий раз будешь наслаждаться счастливой жизнью.

Шурх!

Ужасный звук разрываемой плоти и невыносимая агония сдавили мне горло. Я испытал это уже дважды, поэтому думал, что привыкну к этому, но это было невозможно.

«Чёрт...!»

Это больно. Это было так отвратительно больно, что больше никаких объяснений не требовалось.

Кто-то сказал, что ты не чувствуешь боли, когда умираешь от одного удара. Ты умираешь до того, как почувствуешь боль.

Это всё чушь собачья.

Но я не мог выплеснуть свой гнев или закричать. На самом деле это было всего лишь мгновение, но мне оно показалось вечностью. Моё горло закупорилось от хлынувшей крови, и я потерял чувствительность в конечностях.

Опыт, который я пережил несколько часов назад, совсем не помог.

Вскоре перед моим взором померкло, и эта жизнь подошла к концу, как и предыдущая. Но, по крайней мере, на этот раз я не был опустошён или погружен в отчаяние.

Мои руки больше не двигались.

Мои глаза и уши теряли свои функции органов.

- ...Это... это всё ещё... нелегко...

- Может быть...вам следует...подумай о том, чтобы... измениться...

Я больше не мог разобрать, что они говорили. Агония, которая, казалось, разрывала моё тело на части, прекратилась. Но даже тогда моя голова продолжала работать до конца, и это было странное чувство. До того момента, как мой мозг умер и все функции прекратились, я думал и думал. В последний момент я понял что-то, что промелькнуло в моём сознании, и я потерял свою жизнь в третий раз.

□□□

Когда я пришёл в сознание, то увидел перед собой знакомое лицо. Учитель латыни, который ругал меня за медлительность.

- Тсс, ты опять задремал? У тебя такая плохая концентрация...

Видя, что он говорит то же самое, что и всегда, я вздохнул с облегчением.

- Сэр, вы слышали, что я сказал?

К счастью или к сожалению, я не стал беспорядочно изрыгать проклятия, как в предыдущей регрессии.

- Ах, извините. Я чувствую себя немного нехорошо.

- Если подумать, вы выглядите бледным... Какой холодный пот...

- Да... Я сильно вспотел.

Учитель озадаченно посмотрел на мою мокрую одежду. Это было последствием огромной боли, которую я испытал, прежде чем пришёл в сознание. Я понятия не имел, как можно испытывать такие мучения. Но одно было несомненно. На этот раз, нет, на этот раз всё было гораздо интенсивнее, чем в прошлый раз.

Это не было иллюзией.

Я не мог бы описать это, но если бы мне пришлось, это было похоже на то, как будто мою душу раздавили.

Самой большой проблемой была не только интенсивность, но и продолжительность боли. Это казалось долгим, потому что боль была слишком сильной, но, оглядываясь назад, я понимаю, что в первый раз, когда я регрессировал, я страдал меньше 10 секунд.

Но теперь всё было по-другому. Это длилось по меньшей мере минуту, в несколько раз дольше, чем раньше.

Это длилось всего минуту, но мне казалось, что всё моё тело пронзили ножом, а душу разрывали на части без перерыва.

Что, если я снова умру? Придется ли мне корчиться в кошмаре ещё дольше?

От этой мысли меня бросило в дрожь, и я не мог перестать потеть.

Если это повторится ещё несколько раз, я лучше просто умру и покончу с этим.

- Я думаю, нам следует закончить занятие на сегодня. Я спущусь и скажу им, что вы плохо себя чувствуете.

- Хорошая работа. Я надеюсь, что мы сможем увидеться снова в следующий раз.

Учитель наклонил голову в ответ на мое непонятное прощание и вышел из класса со своими книгами.

– Итак, что мне делать...?

Я кивнул головой в пустой комнате, стараясь запечатлеть текущую ситуацию в своем сознании.

«Тот, кто замыслил убийство, – мой опекун, Жан Антуан Лавуазье. Я предполагаю, что все слуги в особняке на его стороне. Ожидается, что убийцы прибудут самое позднее к вечеру».

Это была ситуация, которая заставляла меня чувствовать себя облажавшимся, независимо от того, как я на это смотрел.

Если бы я просто убежал вслепую, я был бы нищим без гроша в кармане, не имея возможности доказать свою личность. Я бы не протянул и нескольких дней, прежде чем умер от голода или был пойман преследователями.

Тогда каков был способ преодолеть этот кризис?

Как бы я ни ломал голову, на ум приходил только один ответ.

«...Лобовая атака».

Это был единственный реальный способ прорваться сквозь эту отчаянную реальность. На первый взгляд ситуация казалась наихудшей, но все было не так уж плохо, если я изменю свою точку зрения. В конце концов, я точно знал, кто стоял за убийством.

К счастью, моя личность не просочилась наружу, и убийцы не пришли извне. Если бы это было так, я бы барахтался в безнадежном отчаянии.

Если бы я знал, с кем имею дело, у меня был бы шанс придумать контрмеру.

«Да, давайте мыслить позитивно. Мне просто нужно поджарить одного парня. Это довольно неплохо».

Я зарядил свой моральный дух самообманом и сжал подбородок, погрузившись в размышления. В отличие от того, когда я впервые вошёл в это тело, я вспомнил разные вещи после возвращения из смерти. Я задавался вопросом, повторится ли это снова, и, конечно же, различная информация хлынула в мою голову подобно потоку.

Когда я оглядывался назад на то, что произошло до сих пор, не было места для отрицания. Я

возвращался к тому моменту, когда впервые входил в это тело, каждый раз, когда умирал. И по какой-то причине мне каждый раз приходилось страдать от ужасной боли. Я не знал, было ли это из-за этого или нет, но чем больше я делал, тем яснее становилась память этого тела.

По большей части это были тривиальные вещи. Такие вещи, как моя любимая еда или парк, куда я часто ходил гулять с Мелиссой. Но, к счастью, среди этой бесполезной информации были некоторые воспоминания, которые показались полезными.

«Этот ублюдок... Он был полным ничтожеством перед Лавуазье?»

На самом деле, я был в таком положении, что не мог даже пискнуть перед Лавуазье, который был практически королевской крови. Он был не очень умён, и его академические достижения были низкими, так что я мог догадаться, как благородный юрист смотрел на меня.

Я отчетливо помнил это, когда закрывал глаза. Презрительный взгляд, которым он одарил меня, и то, как я пресмыкался перед ним. Я чувствовал, что готов выругаться, когда вспоминал унижение и стыд, которые испытывал тогда.

- Подождите, мои эмоции понятны?

Как раз в тот момент, когда я был готов ощутить источник огромного чувства несоответствия, вошла Мелисса с теплым молоком и закусками.

- Милорд. Я слышал, вы плохо себя чувствуете. С вами все в порядке?

- Хм? О... Да. Я в порядке. Это ерунда.

Выражение лица Мелиссы дрогнуло от моего нервного ответа.

Я тоже почувствовал себя не очень хорошо, когда увидел её после того, как узнал природу её эмоций.

Если ты собираешься смотреть на меня с такой жалостью, по крайней мере, скажи мне, как выжить.

- ...Завтра вы можете почувствовать себя хуже, если будете заставлять себя.

- Я бы хотел, чтобы завтра я чувствовал себя хуже.

- Простите?

Я проигнорировал удивленный взгляд Мелиссы и вышел из комнаты.

- Мелисса, приготовь карету. Мне нужно увидеться с Лавуазье.

- Простите? Милорд, должно быть, занят подготовкой своей диссертации...

- Не сын, отец. Мне нужно поговорить с ним кое о чём важном.

Конечно, я уже знал, каким будет ответ.

- Мне жаль. Старик сказал, что у него важное дело и он некоторое время никого не сможет принять.

- Всё в порядке. У меня есть кое-что гораздо более важное, чем это. Я возьму на себя ответственность за всё, что произойдет, так что просто подготовьте экипаж.

- Простите? Нет, но...

- Я должен пойти, даже если мне придётся идти пешком. Это действительно очень важный вопрос. Если что-то пойдёт не так, это может нанести огромный ущерб семье Лавуазье и даже Верховному суду. Вы понимаете, что я имею в виду, верно? Если я не смогу уйти отсюда, тебе, Мелисса, в конечном итоге, придётся подметать беспорядок.

Я каждый день был тихим, как дохлая мышь, но теперь, когда я проявил такую решительность, Мелисса казалась взволнованной. Она, казалось, беспокоилась, что что-то может случиться, если это действительно серьёзное дело.

- Не могли бы вы сначала сказать мне, что это такое? Если я попрошу разрешения у старика...

- Извините, но я не могу. Я же сказал вам, это настолько важно и секретно, что я не могу сейчас никому рассказать.

- Но это... Я имею в виду, что настоятельная просьба старика...

- Я позабочусь об этом, если Лавуазье тебе что-нибудь скажет. Не волнуйся.

- Даже если вы говорите мне не волноваться...

Мелисса вздохнула.

Что ж, было бы трудно поверить, если бы парень, который был слабаком, вдруг сказал, что возьмет на себя ответственность.

Здесь мне пришлось немного приврать.

– Это связано с сыном Лавуазье, вы знаете, драгоценным лордом, который работает над своей диссертацией, чтобы стать членом Академии? Что, если что-то пойдет не так с делом его сына? Он сойдет с ума, верно?

Я очень хорошо знал, сколько любви и ожиданий Антуан Лоран Лавуазье получил от своего отца. Жан Антуан дал ему самое лучшее образование, какое только было возможно, чтобы открыть ему будущее, и даже купил ему дворянский титул в будущем.

Видя, что его сын вырос и его называют отцом химии, он не ошибся в своем суждении. Он определенно отреагировал бы, если бы это было как-то связано с его гордым сыном.

Мелисса, которая хорошо знала этот факт, в конце концов, вызвала экипаж.

Экипаж прибыл без колебаний и взял меня на борт, медленно направляясь к особняку, где остановился Лавуазье.

Я мог бы сказать, что спас свою жизнь, пока не встретил Лавуазье.

Конечно, я не мог сказать, что я был вне опасности только из-за этого. Если бы я не уладил дела здесь, меня бы затащили в темное место, и я бы покончил с собой, как только покинул особняк.

Препятствие, которое мне предстояло преодолеть, с самого начала казалось немного высоким, но ничего бы не изменилось, если бы я действовал робко. Если я не хотел бесконечно вкушать смерть, пока регресс не закончится, у меня был только один выбор: подчинить всех тех, кто охотился за моей жизнью, и выжить.

Не имело значения, кто нанял убийц.

Почему я думал, что смогу справиться с этим, если просто раскрою личность вдохновителя? Потому что в этой голове у меня были знания, которые могли похоронить кого угодно. Они, должно быть, думали, что могут водить меня за нос, как им заблагорассудится, с поводком на шее. Так что я просто должен был показать им, какой опасной и большой ошибкой это было.